

ОСТРОВИДОВ Константин (Виктор) Александрович, родился в 1896 в селе Золотое Камышинского уезда Саратовской губ. Окончил духовное училище, в 1899 — Саратовскую духовную семинарию, в 1903 — Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия. Студентом академии пострижен в мантию с именем Виктор, в 1903 — рукоположен во иеромонаха, назначен настоятелем Свято-Тихоновского подворья в Хвалынске, с 1904 — член Иерусалимской духовной миссии, к 1909 — ее старший иеромонах, 13 января назначен смотрителем Архангельского духовного училища. С 15 октября 1909 — насельник Александро-Невской лавры, с ноября 1910 — назначен настоятелем Зеленецкого Свято-Троицкого монастыря, возведен в сан архимандрита. С 21 февраля 1918 — наместник Александро-Невской лавры. 15 декабря 1919 — хиротонисан во епископа Уржумского, викария Вятской епархии. В 1920 — арестован «за агитацию против медицины», приговорен к лишению свободы до окончания войны с Польшей, через пять месяцев освобожден. Епископ Слободский, викарий Вятской епархии. С сентября 1921 — епископ Глазовский, викарий Вятской епархии. 25 августа 1922 — назначен епископом Орловским, викарием Вятской епархии, в. у. Глазовским викариатством. 26 августа арестован в Вятском Трифоновском монастыре «за распространение нелегальных воззваний патриарха Тихона». 23 февраля 1923 — приговорен к 3 годам ссылки в Сибирь и отправлен в Нарымский край. В феврале 1926 — освобожден из ссылки, вернулся в Вятку. 14 мая 1926 — арестован «за организацию нелегальной епархиальной канцелярии», отправлен в Москву и заключен в Бутырскую тюрьму. 20 августа приговорен к высылке на 3 года с запрещением проживания на 3 года (-6). 24 августа отправлен в Глазов Ижевской губернии. С осени 1926 — епископ Ижевский и Воткинский, в. у. Вятской епархией. В июле 1927 — назначен епископом Шадринским, в. у. Свердловской епархией, но к месту назначения не выехал. В ноябре 1927 — официально объявил об отделении от митрополита Сергея (Страгородского), возглавил оппозицию духовенства и мирян в Вятской и Воткинской епархиях, находился в тесной связи с "иосифлянами". 23 декабря уволен от управления Шадринским викариатством и Свердловской епархией, запрещен в священнослужении «за раздорническую деятельность». Продолжал управлять Вятской епархией, составил и предал гласности несколько посланий против митрополита Сергея. 4 апреля 1928 — арестован в Глазове, отправлен в Москву и заключен в Бутырскую тюрьму. Обвинялся в «систематическом распространении антисоветских документов, им составляемых и отпечатываемых на пишущей машинке». 18 мая приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения, работал бухгалтером на канатной фабрике, участвовал в тайных богослужениях заключенных. Весной 1930 — переведен в Белбалтлаг (командировка Май-Губа), в начале 1931 года — на командировку Новая Биржа, а в марте освобожден из лагеря. Проживал в Вятском районе Нижегородской области. В марте 1931 — арестован, 10 апреля приговорен к 3 годам ссылки в Северный край и отправлен в Онегу Архангельской области, в декабре переведен поселок Усть-Цильма (Коми). 22 декабря 1932 — арестован по групповому делу ссыльного духовенства, 10 мая срок ссылки увеличен на 3 года, отправлен в село Нерица Усть-Цильменского района. В феврале 1934 — обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

«В Общество помощи полит<ическим> заключенным
т<оварищу> Пешковой

Адм<инистративно> сс<ыльного>
Островидова Константина Александровича
(Епископа Виктора)

Заявление

Обращаюсь к Вам с просьбой оказать мне возможную помощь в моем тяжелом положении.

Я страдаю уже с 1922 г<ода> с августа мес<яца> со времени появления так называемой "живой церкви". За это время был 22 мес<яца> в тюрьме, 3 года в концлагере (Соловках), 1.5 г<ода> в высылке, 1 мес<яц> на свободе, а все остальное время в ссылке. Последний раз осужден был в 1928 г<оду> в мае мес<яце> в концлагерь на три года за отказ от признания известной декларации Митрополита Сергия и отказ от него, как главы Правосл<авной> Церкви. В 1931 г<оду> лагерь был заменен ссылкой в распоряжение Полн<омочного> Предст<авителя> Сев<ерного> Края, г<ород> Архангельск, на три года. Срок этой ссылки кончается 4 апр<еля> с<его> г<ода>, но я не могу получить освобождения, и вот почему. — В прошлом году четыре бывш<их> священника, сергияне, с которыми я не был знаком, устроили надо мною шантаж, объявив меня соучастником какой-то их мифической организации.

Сущность этого шантажа и следствия по поводу его я кратко изложил в своем заявлении в П<олномочное> п<редставительство> Сев<ерного> Края, копию которого при сем прилагаю. — Возмутительно и до крайности омерзительно для меня то, что я, отрицающий по своим религиозным убеждениям всякое участие как вообще Пр<авославной> Церкви, так в частности свое личное в каких бы то ни было земных интересах жизни, не только пострадал по этому делу 8 мес<яцев> в тюрьме в Сыктывкаре, но и получил еще новый срок ссылки, а упомянутые организаторы освобождены. — Ведь так поступать — значит никогда не выпустить человека на свободу, а между тем дело жизни идет к старости, здоровье крайне надорвано и требуется лечение.

С глубоким уважением к Вам
за оказываемую Вами помощь

К. Островидов
(Епископ Виктор).

23 февраля 1934 г<ода>.
п<очтовое> от<деление> Устьцыльма
Коми области»¹.

К письму Е. П. Пешковой было приложена копия официального письма епископа Виктора (Островидова) в Полномочное Представительство ОГПУ Северного края.

«Копия

В Полном<очное> Представ<ительство> ОГПУ
Сев<ерного> Края, г<ород> Архангельск

подслед<ственного> заключен<ного>
в Сыктывкарском след<ственном>
Изоляторе Островидова Константина
Александровича (Епископа Виктора)

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1227. С. 152-153. Автограф.

Заявление

Отбывая свой срок ссылки на Печере в с<еле> Устьцыльме, я 13/XII-1932 г<ода> без всякой с моей стороны причины был арестован по распоряжению уполномоченного К<оми> О<собого> О<тдела> ОГПУ гр. Елсукова, и утром того же числа в числе других 10-ти человек был отправлен этапным порядком в Сыктывкарское ОГПУ, где мне было предъявлено нелепое для меня обвинение — участие мое в каком-то Беломорском им<ени> Михаила Архангела обществе, о каковом я ранее никогда не слышал. В процессе следствия для меня выяснилось, что возбужденное против меня обвинение есть самый гнусный злостный шантаж, устроенный надо мною бывшими священниками: Богдановым, Кулагиным, Никольским и Нечаевым, с которыми я лично не был знаком, а по Устьцыльме они известны были как секр<етные> сотрудники местного ОГПУ. — Причина этого шантажа их надо мною мне неизвестна, но так как он был упорно и настойчиво поддержан и производившим следствие гр. Елсуковым, то я и решился написать это заявление. Мои письменные показания по данному делу, каковые я сделал по предложению следователя гр. Секацкого, были уничтожены при мне след<ователем> Елсуковым, все же следствие самого гр. Елсукова сводилось к бессмысленным издевательствам над личностью человека. — Закончилось это следствие двумя личными "ставками"² меня с вышеупомянутыми Богдановым и Никольским, показания-измышления которых были ужасны, а под пером следователя эти показания превратились во что-то чудовищное. Как бы в успокоение меня или своей совести Богданов пред личной ставкой заявил мне, что приходится прибегать к выдумкам, чтобы облегчить сидение, а Никольский после ставки, схватившись за голову, идя впереди меня и обращаясь ко мне, повторял: "Негодяи мы, негодяи". На предложение следователя Елсукова подписать протокол я только заметил: "Вы подписали эту гнусность и вы можете ввести в обман посторонних людей, но будет вам стыдно смотреть хотя друг другу в глаза (с Никольским)". На это следователь ответил: "А вам не стыдно было при царизме обманывать народ и шить себе ряски"...

Недели через три после личных ставок, (20 февр<аля> с<его> г<ода>) следователь Елсуков вызывает меня и объявляет, что следствие закончено, о чем мне и объявляется, и предложил расписаться. Я расписался. По приходе в камеру вопросы товарищей: не было ли выше моей подписи еще что-либо написано или не осталось ли выше подписи белой незаполненной бумаги, которая уже как бы от моего имени может заполниться, — эти вопросы смутили мой дух до крайности, и я только ставлю вопрос: так неужели представитель Высшей Власти может быть способен на такой подлог-мошенничество? Тогда к кому же обращаться гражданам за правдой? — Это будет уже тогда не жизнь, а безысходный кошмар жизни...

Так как лжепоказания-измышления вышеупомянутых лиц могут ввести в заблуждение Власть, а отсюда произойдет судебная ошибка с тяжелыми для меня последствиями, то я и прошу П<олномочное> П<редставительство> ОГПУ вникнуть в это дело и дать мне возможность спокойно продолжить срок своей ссылки.

К. Островидов
(Епископ Виктор).

1/VII – 1933 г<ода>.

С подлинным верно.
К. Островидов.

² Имеются в виду очные ставки между обвиняемыми.

24/II-1934 г<ода>»³.

2 мая 1934 — епископ Виктор (Островидов) скончался в ссылке от воспаления легких, похоронен на сельском кладбище. 1 июля 1997 — обретены его мощи и перенесены в Александро-Невскую церковь Вятского Свято-Троицкого женского монастыря. 13-16 августа 2000 — канонизирован Архиерейским Собором РПЦ.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1227. С. 154-155. Автограф.